

УДК 316.343.652

Западный интеллеktуал в диалоге с русской интеллигенцией (к вопросу о соотношении понятий)

Ишимская Елена Вячеславовна

Кандидат философских наук, доцент,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина,
394064, Российская Федерация, Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54а;
e-mail: ishimsky_e@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема соотношения понятий «интеллигенция» и «интеллектуал». Особое внимание автор уделяет их связи в историко-культурных координатах «Россия – Запад». Диалогический подход М.М. Бахтина и структурно-семиотическая концепция Ю.М. Лотмана позволили представить западного интеллектуала и русскую интеллигенцию как собеседующие категории, суть которых раскрывается через открытость друг перед другом, сосуществование на стыке разных социокультурных пространств. Утверждается, что интеллигенция обладает большим семиотическим капиталом и является понятием прежде всего культурно-символическим, в отличие от интеллектуала с цивилизационно-рациональной доминантой. В статье показано, что уникальность интеллектуалов задана особенностями генезиса этой социальной группы в западном обществе. Несмотря на современную трансформацию западного интеллектуала-универсала в интеллектуала-специалиста, понимание его природы не ограничивается узкопрофессиональными рамками. Истинность интеллектуала определяется не столько образованием, сколько социальной ответственностью, что встраивается в гуманистический смысл идеи интеллигенции. Автор приходит к выводу, что в подобном ключе западного интеллектуала, наряду с русской интеллигенцией, можно считать отдельной формой интеллигенции мировой.

Для цитирования в научных исследованиях

Ишимская Е.В. Западный интеллектуал в диалоге с русской интеллигенцией (к вопросу о соотношении понятий) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 1А. С. 167-177.

Ключевые слова

Интеллигенция, интеллектуал, русская интеллигенция, западный интеллектуал, диалог понятий, семиосфера, интеллектуальность, знание, социальная ответственность.

Введение

Одной из главных проблемных линий современного дискурса интеллигенции является вопрос о соотношении понятий интеллигенции и интеллектуала. Очертить их синтаксические контуры – задача сложная, поскольку вкладываемые в них смыслы колеблются между полным совпадением и абсолютной непроницаемостью. Так, ряд российских и зарубежных авторов рассматривают данные понятия в качестве синонимов [Агапов, 2009, 159; Geèienë, 2003, 71]. Кроме того, стоит отметить, что итальянское слово "gli intellettuali", используемое А. Грамши в «Тюремных тетрадах», переведено на русский язык именно как «интеллигенция» [Грамши, 1959]. Не дифференцируются термины в работах К. Манхейма [Манхейм, 1993]. Несопоставимыми же понятия оказываются в случае, если «интеллигенция» трактуется в первоначальном значении как абстрактно-умозрительная категория, принадлежащая к сфере познания [Фихте, 1993, 461; Лосев, 1995, 24].

Интеллигенция и интеллектуалы: проблема соотношения понятий

Не вносит ясности в дискуссию практика отождествления интеллигенции и интеллектуалов с точки зрения социально-профессионального подхода. Если поспешно определить их как представителей умственного труда, то истинная интеллигентность и интеллектуальность отодвигаются на второй план. Тогда весь вопрос будет сводиться к проблеме положения в социальной структуре совокупности лиц с высшим образованием (российский вариант интеллектуалов) и специалистов, профессионалов, к которым в западном обществе относят врачей, юристов, учителей, преподавателей университетов, социальных работников и др. [Zweig, 2000, 23] (западный вариант интеллигенции).

В российском общественном сознании прослеживается содержательное несовпадение искомых понятий, связанное в первую очередь с историко-культурной спецификой нашей страны, амбивалентным архетипическим образом русской интеллигенции (по выражению Д.С. Мережковского, от «чуда» до «чудовища»). «Интеллектуал» ассоциируется скорее с западным типом человека, тем, кто не «служит», а «работает».

Многие зарубежные авторы подчеркивают неприемлемость использования термина «интеллигенция» ко внероссийскому контексту [Burbank, 1986; Raeff, 1966; Fischer, 1958]. Ее сущностный признак детерминируется сугубо русским социокультурным пространством и определяется промежуточным положением (иногда «беспокойным» и «стеснительным») между властью и народом [Lovell, Marsh, 1998, 56]. Причем понятия «власть», «народ» обозначаются буквально: *vlast'*, *narod*.

Говоря словами М. Кундеры, через просторы интеллигенции протекает глубокая «семантическая река»: предмет всякий раз вызывает к жизни и порождает новые значения, но вместе с этими значениями отзываются (как эхо) все значения прошлые [Кундера, 2010, 99].

У «интеллектуала» шум «семантической реки» не слышен. В таком сравнении интеллигенция обладает большим семиотическим капиталом, т.е. культурно-историческими коннотативными вложениями, оставленными в наследство предыдущими поколениями, латентно или явно опосредующими производство, прибавление смысловых и нахождение предметных значений. Интеллигенция – это понятие прежде всего культурно-символическое, в то время как интеллектуал – цивилизационно-рациональное.

На первый взгляд существенное отличие интеллектуалов, представителей умственного труда, "knowledge workers", заключается в их твердой находимости в социальной структуре, аксиологической нейтральности, высокой компетентности в определенной области. Интеллектуальный багаж непосредственно влияет на уровень доходов, социальный статус. Эти характеристики вкупе с нулевым символическим зарядом, казалось бы, обеспечивают понятию полную победу над своим конкурентом. Социальная весомость и культурная невеличкость делают его удобным в употреблении, более приспособленным для описания современной общественной системы. Однако данная позиция вряд ли отражает всю сложность отношений рассматриваемых категорий.

Интеллигенция и интеллектуал как понятия-собеседники

На наш взгляд, для адекватного понимания смысловых горизонтов категориальной пары оказывается продуктивной методологическая модель, основанная на идее диалога. Ее преимущество составляет принцип равноправия понятий-собеседников, признающих инаковость друг друга.

По мысли Ю.М. Лотмана, «мир семиозиса не замкнут фатальным образом в себе: он образует сложную структуру, которая все время играет с внележащим ему пространством, то втягивая его в себя, то выбрасывая в него свои уже использованные и потерявшие семиотическую активность элементы» [Лотман, 2000, 30]. Интеллигенция и интеллектуалы притягивают друг друга в процессе семиозиса. Благодаря их событийности как самостоятельных единиц, имеющих уникальные биографии, обеспечивается смысловая динамика, диалог понятий. Более того, смысл сопряженных единиц постигается только через вскрытие их синтаксических отношений. Базируется это утверждение на диалогических идеях М.М. Бахтина («актуальный смысл принадлежит не одному (одинокому) смыслу, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам») [Бахтин, 1979, 334-335], Ю.М. Лотмана («изолированная культура не имеет специфики») [Лотман, 2000, 643]. Таким образом, уникальность интеллигенции и интеллектуалов возникает не в состоянии изоляции, но при взаимовопрошании, взаимоустремленности, комплиментарности.

Интеллигенция и интеллектуалы существуют не сами по себе, а в конкретном социокультурном континууме. Рациональный стержень интеллектуальности как необходимого качества интеллектуала также подвергается национальной обработке. Понимание интел-

лекта (ума, способности понимать, устанавливать связи) [Didier, 1992, 136] при сохранении общей смысловой линии может варьироваться. Так, американцы оценивают интеллект человека в первую очередь по способности к практическому решению проблем, умению ясно излагать свои мысли, социальной компетентности. Кооперативные социальные навыки превалируют над остальными факторами в содержании финской интеллектуальности. У японцев в представления об интеллекте включено умение сочувствовать, быть скромным и внимательным слушателем, а в Южной Африке его ключевой составляющей является чувство уважения к старшим [Сергеева, 2008, 13-14]. Исследователь Я.Дж. Диари верно обращает внимание на то, что приведенные характеристики вряд ли поддаются какому-либо объективному измерению в IQ-тестах [Deary, 2001, 16].

Западный интеллектуал в диалоге с русской интеллигенцией: общее и особенное

В рамках данной статьи, не имея возможности составить подробную картографию взаимодействия понятий «интеллигенция» и «интеллектуал» в каждом единичном проявлении, обратимся к традиционной дихотомии «русская интеллигенция – западный интеллектуал». Эти два полюса есть бытийный минимум для российского автора. Под Западом, далеко не монолитным социокультурным образованием, мыслимым в интегральном сопоставлении России, условно будем понимать западноевропейские страны и США.

Полагаем, коренное отличие русской интеллигенции от западного интеллектуала задано исключительностью ее историко-культурной биографии. Столь же уникальным по отношению к нашей стране следует признать генезис социальной группы интеллектуалов на Западе. Л.А. Келеман отмечает, что образованная часть Запада формировалась на основе синтеза трех великих комплексов идей: античного рации, опыта христианской теодицеи и идеи гражданского права [Келеман, 2006, 32]. Проблема экзистенциального разрыва между должным и сущим не стояла перед ними так остро, как перед русской интеллигенцией. Классический русский интеллигент (конец XIX – начало XX века), для которого первичным оказывается нравственное вопрошание, есть «субъект для других». Ценностным стержнем бытия западного интеллектуала, «субъекта для себя», является скорее рационализм.

Будучи продуктами соответствующих социокультурных пространств, интеллигенция и интеллектуалы подчиняются процессам внутренней динамики. Амплитуда социальных колебаний на Западе меньше, чем культуры русской, «осознающей себя в категориях взрыва» [Лотман, 2000, 148]. Поэтому исторические координаты «революция – власть – народ» не имеют для западных интеллектуалов актуального смысла. Их формирование связано с постепенным, нескачкообразным процессом разделения труда на умственный и физический. Уникальное положение западного интеллектуала было обусловлено образованностью, кото-

рая давала своим носителям относительную независимость и, по словам А. Грамши, экономическую и культурную гегемонию в обществе [А. Грамши, 1959, 148].

Необходимо подчеркнуть, что многочисленные западные тексты, посвященные проблеме интеллектуалов, демонстрируют высокую социальную значимость данной темы. Катализатором публичных дискуссий послужило знаменитое дело капитана Альфреда Дрейфуса (конец XIX века), повлиявшее на становление интеллектуального сообщества во Франции и в других западных странах [Posner, 2004, 11]. Определение роли интеллектуала в западном обществе становится такой же важной задачей, как функциональный анализ природы русской интеллигенции. Но инаковость и вневхождение западных интеллектуалов по отношению к русской интеллигенции постигается через другие дискурсивные единицы. В западном дискурсивном пространстве такими единицами являются «знание» и «социальная ответственность». Смысл западного интеллектуала раскрывается, на наш взгляд, в связи со знанием – ответственностью.

Всеобщая демократизация культуры, процесс бюрократизации и необходимость в профессиональной специализации приводят к изменению социального положения интеллектуалов в западном обществе. На смену «культурному человеку», продукту античного «гимнастическо-гуманистического», «рыцарского», англосаксонского «джентельменского» типов образования [Weber, 2005, 139], приходит отраслевой эксперт. По мнению М. Фуко, в противоположность универсальному интеллектуалу интеллектуал-специалист, чьи усилия сосредоточены в узких отраслях, не стремится быть всеобщей совестью, учителем истины и справедливости [Фуко, 2002, 201-202]. В онтогносеологическом плане его семиосознание по преимуществу мозаично и дискретно [Смирнов, 2008, 20], а потому компетентность в других областях (в том числе политической) вызывает сомнение. Рост числа профессий и сокращение числа любителей в XX веке [Арон, 2005, 185] требуют от интеллектуала выполнения прежде всего локальной деловой функции. В этом смысле политика есть сфера деятельности профессиональных политиков, обладающих специализированным знанием, но не дилетантов.

Общедоступность образования, развитие средств массовой коммуникации способствуют утрате интеллектуалами прежней избранности. Как пишет К. Манхейм, «демократический ум отвергает всякое знание, которое может быть приобретено через особые каналы, открытые лишь для избранных» [Манхейм, 1993, 31]. Подчеркивая процесс демократизации культуры, немецкий социолог наделяет интеллектуалов (интеллигенцию) свойством «свободного парения», которое означает не разрыв с другими общностями, а, наоборот, сближение посредством объединения в сфере образования всех импульсов, заполняющих социальную сферу [Манхейм, 1994, 132-134]. Эта мысль в ином идеологическом оформлении развита в концепции «органической интеллигенции» А. Грамши, имеющей, в свою очередь, общие корни с представлениями об «идейном парламенте» русского марксиста В.В. Воровского [Воровской, 1923, 159].

Несмотря на то, что образованность остается необходимым критерием причисления к интеллектуалам, многие западные авторы указывают на его недостаточность в современных условиях. Потеряв привилегированную роль «носителя всеобщности» [Манхейм, 1994, 133], истинные интеллектуалы, тем не менее, не должны быть политически пассивными и ограничиваться узкоспециализированными рамками. По сравнению с универсальными интеллектуалами, полагает М. Фуко, степень ответственности интеллектуалов-специалистов значительно выше в связи с теми разнообразными политическими ролями, которые приходится брать на себя в качестве атомщика, генетика, программиста, фармаколога и т.д. [Фуко, 2002, 205-206]. Социальная ответственность интеллектуала выражается во «включенности в ситуацию, касающуюся всех нас» [Манхейм, 2000, 113] посредством конкретной профессиональной деятельности. Вооруженный специализированным знанием, он способен подниматься над локальными коммуникативными структурами, одновременно не утрачивая связь с ними [Бауман, 2003, 19]. Другими словами, интеллектуал, преодолевая внутрипрофессиональную изоляцию, переводит знание в социальную плоскость, но не в целях достижения господства, а ради истины. Именно это отличает подлинного интеллектуала от технического исполнителя, рассматривающего глобальность исторического процесса как одну из множества специализаций. С таких позиций представители умственного труда на Западе подвергаются критике в трудах Т. Драпера, С. Кимбела, Р.А. Познера, Р. Хофстадтера и др. У исследователей вызывает недоверие публичная политическая деятельность тех интеллектуалов, которые видят в ней побочный инструмент для реализации личной выгоды или даже форму неординарного досуга [Draper, 2006, 202]. Утрата независимости, стремление к самопопуляризации, по мнению Р.А. Познера, несовместимы с социально-ролевой сущностью современных интеллектуалов [Posner, 2004, 28-36].

Западный интеллектуал как отдельная форма интеллигенции

Можно заключить, что большинство современных западных авторов выходят на качественно новую ступень понимания природы интеллектуалов, выделяя социальную ответственность как одну из генеральных составляющих содержания понятия. Интеллектуал есть субъект, обладающий высокой образованностью и специализированным знанием, способный преодолевать профессиональную дискретность и осознающий собственную социальную ответственность. В данном смысловом измерении западный интеллектуал является отдельной бытийной формой интеллигенции как универсального, внесюжетного, запредельного культурной конкретике феномена. Наряду с русской интеллигенцией, он предстает равноправной дискурсивной единицей. Российские и западные мыслители, используя различные понятия, на разных языках говорят об одной и той же социальной субстанции – субъекте, осознающем собственную социальную ответственность, диалектически связывающем разумное и нравственное, преобразующем субъективное в объективное

для понимания смысла личного и коллективного существования. Сосуществование множества (минимум двух онтологических полюсов) социокультурных конкретностей интеллигенции подчеркивает синхронно-диахронную гибкость форм ее объективаций. Инаковость западных интеллектуалов в сопряжении с русской интеллигенцией проистекает из контекстуальности соответствующего им западного пространства. Поэтому как продукты заданных семиосфер западный интеллектуал и русская интеллигенция – не заменяющие друг друга смысловые элементы. Они взаимно непоглотимы, но и нераздельны в силу наличия интегрирующей универсальной идеи интеллигенции, преодолевающей культурные, национальные и другие различия. Их со-бытие позволяет преодолеть некоторую одномерность, с одной стороны, русской интеллигенции, которой свойственно отсутствие прагматической зависимости ее духовного поиска [Жаров, 1999, 61], а с другой – западных интеллектуалов, зачастую пренебрегающих духовно-смысловой нагруженностью жизни.

Заключение

Исходя из изложенных суждений, отобразим понятийную соотнесенность интеллигенции и интеллектуалов в срезе двух минимально необходимых онтологических полюсов (рис. 1). Очевидно, формы объективации интеллигенции как мирового феномена не исчерпываются выделением лишь российского и западного социокультурных континуумов. Потенциально они охватывают и другие семиосферные пространства. Развитие разнообразных форм интеллигенции, отражающей качество общественных отношений, есть коэволюционный, полилогический, диалектический процесс. Так, помимо западной и российской, вполне обосновано говорить о ее восточной форме.

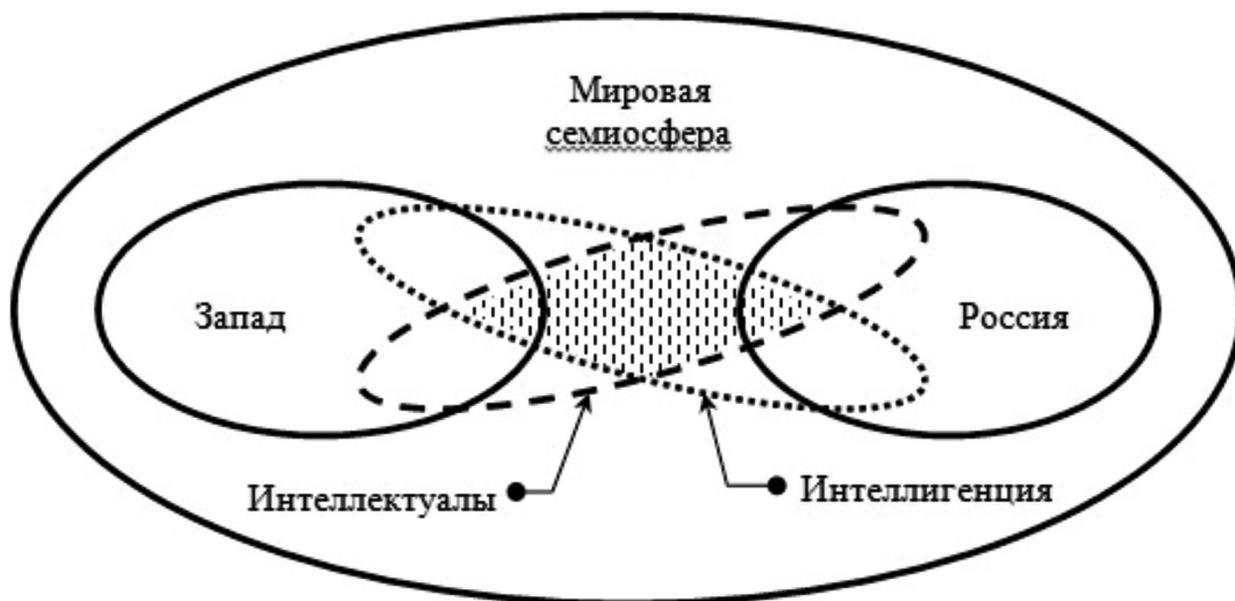


Рисунок 1. Синтаксис «интеллигенции» и «интеллектуалов» в онтологическом срезе «Россия – Запад».

Представляется, что в будущем вполне допустим понятийный переход интеллектуалов в интеллигенцию или наоборот. Помимо того, есть возможность появления нового, непредсказуемого на данном этапе понятия, транслирующего универсальную идею интеллигенции. Главным в таких по большому счету вторичных превращениях становится сохранение полноценного смысла сущности, называемой нами интеллигенцией.

Библиография

1. Арон Р. Опиум интеллектуалов // Логос. 2005. № 6 (51). С. 182-205.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. Воровский В.В. Русская интеллигенция и русская литература. Харьков: Пролетарий, 1923. 164 с.
4. Грамши А. Тюремные тетради // Избранные произведения Т. 3. М.: Иностранная литература, 1959. 565 с.
5. Жаров С.Н. Цивилизация и культура в исторических судьбах Запада и России // Вестник ВГУ. Серия 1 «Гуманитарные науки». 1999. № 1. С. 52-74.
6. Келеман Л.А. Интеллигентность: антропологический статус и манифестация в современном мире: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2006. 38 с.
7. Кундера М. Невыносимая легкость бытия. СПб.: Азбука-классика, 2010. 352 с.
8. Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995. 900 с.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
10. Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7-276.
11. Манхейм К. Избранное: Социология культуры. СПб.: Университетская книга, 2000. 501 с.
12. Манхейм К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 1993. 89 с.
13. Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта: Наука, 2008. 320 с.
14. Смирнов Д.Г. Интеллигенция: семиологическая функция (К постановке проблемы) // Интеллигенция и мир. 2008. № 3. С. 13-27.
15. Фихте И.Г. Сочинения. Т. 1. СПб.: Мифрил, 1993. 687 с.
16. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
17. Burbank J. *Intelligentsia and revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917-1922*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1986. 340 p.
18. Deary I. J. *Intelligence: a very short introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 132 p.
19. Didier J. *Dictionnaire de la philosophie*. Paris: Larousse, 1992. 302 p.
20. Draper T. *Intellectuals in Politics* // Etzioni A., Bowditch A. (eds.) *Public Intellectuals: An Endangered Species?* New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. pp. 201-226.

21. Fischer G. *Russian liberalism: from gentry to intelligentsia*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958. 240 p.
22. Geèienė I. Naujosios klasės diskursas ir jo poveikis diskusijoms apie intelektualø vaidmená posovietinėse áalyse // *Sociologija*. Mintis ir veiksmai. 2003. № 1. pp. 71-82.
23. Kalberg S. (ed.) *Max Weber: readings and commentary on modernity*. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. 398 p.
24. Lovell S., Marsh R. *Culture and Crisis: Intelligentsia and Literature after 1953* // Kelly C., Shepherd D. (eds.) *Russian cultural studies*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1998. pp. 56-86.
25. Posner R.A. *Public Intellectuals: A Study of Decline*. Cambridge, London: Harvard University Press, 2004. 416 p.
26. Raeff M. *Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteen Century Nobility*. New York, 1966. 248 p.
27. Zweig M. (ed.) *The working class majority: America's best kept secret*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2000. 198 p.

Western intellectual in dialogue with Russian intelligentsia (to the question of correlation between the concepts)

Elena V. Ishimskaya

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of humanities, social and economic disciplines,
Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin,
394064, 54a Starykh Bol'shevikov st., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: ishimsky_e@mail.ru

Abstract

The article discusses the problem of correlation between the concepts "intelligentsia" and "intellectual". The author of this article pays special attention to their connection in the historical and cultural coordinates of "Russia – West". The dialogical approach of M.M. Bakhtin and the structural-semiotic concept of Yu.M. Luma helped to introduce Western intellectual and Russian intelligentsia as interviewing categories, the essence of which is revealed through the openness to each other, the coexistence at the intersection of different social and cultural spaces. The article proves that the intelligentsia has a great semiotic capital and it is primarily a cultural and symbolic concept, unlike the intellectual with civilizational and rational dom-

inant. The article shows that features of the genesis of this social group set the uniqueness of intellectuals in Western society. Despite the modern transformation of the Western intellectual-generalist in the intellectual-specialist, understanding its nature is not limited to narrow professional framework. Validity of intellectual is determined not so much by education as by a social responsibility that is embedded in the humanistic meaning of the ideas of intellectuals. The author comes to the conclusion that in a similar vein the Western intellectual, along with the Russian intelligentsia, can be considered as a special form of the world intelligentsia.

For citation

Ishimskaya E.V. (2017) Zapadnyi intellektual v dialoge s russkoi intelligentsiei (k voprosu o sootnoshenii ponyatii) [Western intellectual in dialogue with Russian intelligentsia (to the question of correlation between the concepts)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (1A), pp. 167-177.

Keywords

Intelligentsia, intellectual, Russian, Western intellectual, dialogue of concepts, semiosphere, intelligence, knowledge, social responsibility.

References

1. Aron R. (2005) *Opium intellektualov* [The Opium of the Intellectuals]. Logos [Logos], 6 (51), pp. 182-205.
2. Mankheim K. (1994) *Ideologiya i utopiya* [Ideology and utopia]. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow: Yurist Publ.
3. Mankheim K. (2000) *Izbrannoe: Sotsiologiya kul'tury* [Selected: Sociology of culture]. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ.
4. Mankheim K. (1993) *Problema intelligentsii. Demokratizatsiya kul'tury* [The problem of intelligentsia. Democratization of culture], ch. 1. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences.
5. Sergeeva A.V. (2008) *Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mental'nost'* [Russian: behavioral patterns, traditions, mentality]. Moscow: Flinta: Nauka Publ.
6. Smirnov D.G. (2008) *Intelligentsiya: semiologicheskaya funktsiya (K postanovke problemy)* [Intelligentsia: semiological function (To the setting of problem)]. *Intelligentsiya i mir* [Intelligentsia and the world], 3, pp. 13-27.
7. Fikhte I.G. (1993) *Sochineniya* [Compositions], vol. 1. Saint Petersburg: Mifril Publ.
8. Fuko M. (2002). *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: selected political articles, speeches and interviews]. Moscow: Praksis Publ.

9. Bakhtin M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ.
10. Vorovskii V.V. (1923) *Russkaya intelligentsiya i russkaya literature* [Russian intellectuals and Russian literature]. Khar'kov: Proletarii Publ.
11. Gramshi A. (1959) Tyuremnye tetradi [Prison notebooks]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], vol. 3. Moscow: Inostrannaya literature Publ.
12. Zharov S.N. (1999) Tsivilizatsiya i kul'tura v istoricheskikh sud'bakh Zapada i Rossii [Civilization and culture in historical fates of the West and Russia]. *Vestnik VGU. Seriya 1 "Gumanitarnye nauki"* [Bulletin of Voronezh State University. Series 1 "Humanitarian sciences"], 1, pp. 52-74.
13. Keleman L.A. (2006) *Intelligentnost': antropologicheskii status i manife-statsiya v sovremen-nom mire. Dokt. Diss. Abstract* [Intelligence: anthropological status and manifestation in the modern world. Doct. Diss. Abstract]. Stavropol'.
14. Kundera M. (2010) *Nevynosimaya legkost' bytiya* [The unbearable lightness of being]. Saint Petersburg: Azbuka-klassika Publ.
15. Losev A.F. (1995) *Forma. Stil'. Vyrazhenie* [Form. Style. Expression]. Moscow: Mysl' Publ.
16. Lotman Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ.
17. Burbank J. (1986) *Intelligentsia and revolution: Russian Views of Bolshevism, 1917-1922*. New York: Oxford: Oxford University Press.
18. Deary I. J. (2001) *Intelligence: a very short introduction* *Intelligence: a very short introduc-tion*. Oxford: Oxford University Press.
19. Didier J. (1992) *Dictionnaire de la philosophie*. Paris: Larousse.
20. Draper T. (2006) Intellectuals in Politics. Etzioni A., Bowditch A. (eds.) *Public Intellectuals: An Endangered Species?* New York: Rowman & Littlefield Publishers, pp. 201-226.
21. Fischer G. (1958) *Russian liberalism: from gentry to intelligentsia*. Cambridge, Mass.: Har-vard University Press.
22. Geèienē I. (2003) Naujosios klasēs diskursas ir jo poveikis diskusijoms apie intelektualø vaid-menā posovietinėse dalyse. *Sociologija. Mintis ir veiksmai*, 1, pp. 71-82.
23. Kalberg S. (ed.) (2005) *Max Weber: readings and commentary on modernity*. Oxford: Black-well Publishing.
24. Lovell S., Marsh R. (1998) Culture and Crisis: Intelligentsia and Literature after 1953. Kelly C., Shepherd D. (eds.) *Russian cultural studies*. New York; Oxford: Oxford University Press.
25. Posner R.A. (2004) *Public Intellectuals: A Study of Decline*. Cambridge, London: Harvard Uni-versity Press.
26. Raeff M. (1966) *Origins of the Russian Intelligentsia. The eighteen-century nobility*. New York.
27. Zweig M. (ed.) (2000) *The working class majority: America's best kept secret*. Ithaca; London: Cornell University Press.